

Булдурье 5 VIII 1939 г. 1

Любимая Елена Ивановна!

Осмелюсь высказать Вам мою глубочайшую благодарность за то Ваше дорогое внимание и великие заботы о душевном и физическом благополучии моего папы.

Доктора папе, заочно, предсказали успешные страдания и скорый уход и, теперь, постоянно, изумляют и продолжительности болезни и отсутствию предвиденных или мучений.

Благодарю и благословляю Тму Великую Тоголицу, облегчившую страдания папе и дающую ему этим возможность духовного роста.

Папа не знает серьезности своего положения, но, предчувствуя его — спокоен и готов к уходу, который идет с радостью, но не с отречением от земной жизни. Папа говорит так: что, если

он будет почему-либо куплен здесь,
то он и останется жить здесь, если
не его задания на земле выполнены,
то время ^{будет} жить и поработать в
Малом Мире. Где он будет куплен,
туда его Гошлот, туда он радостно
и пойдет.

Преданность его безгранична, он
весь горит стремлением и желанием
работать на Общее Благо.

Сердечно благодарю Вас за привет
моей сестре и мне.

Еще раз осмеливаюсь указать
Вам мою глубочайшую преданность
и любовь.

Римский Анисевич.

Рига. 1 января²
1940 года.

Дорогая Елена Ивановна!

Состояние здоровья моего папы теперь стало гораздо лучше, чем было летом. Боли возвращаются все с большим смелом и бьются, казавшиеся невыносимыми, боли остаются в памяти как воспоминания более-менее переносимых и терпимых болей.

Теперь ему очень трудно, но чувствуете, что он страдает и страдает за кого так, как, обыкновенно, страдаем каждого страдающего, — каковы. Приходится изумляться и преклоняться его терпению и силе духа. Он перенос страдания своего тела. Он духом перенос своего болев. Боли у него тело, болит безумно, а дух его выдерживает

как-бы над телом.

Он страдает без перерыва от
сильной боли, а мысли его, в то же
время, усиленно работают над каким-
либо делом общества, он ездит и
дулом беспрерывно живет и в об-
ществе, и в магазине, или же старается
разобраться и помочь кому-либо
в горе или недоразумениях.

Сейчас, в такой важный и
трудный момент, когда недоразуме-
ний возниклишь даже в самый
центр общества, и темнота, по созна-
нию прекрасное и светлое, начи-
нают говорить каждый на своем
языке, наша является или неза-
менимой поддержкою и единствен-
ным носителем единства. Он
разрешает все противоречия и

несогласия, вносит спокойствие, и, придерживаясь его советам и указаний, все принимает достойный вид и достойную форму.

Сегодня вечером, около 18 часов, когда я находилась у мамы, пришел Тар. Фель. и принес весть, составившую моему маме и мне глубочайшую и величайшую радость. А именно, что наш глубоко уважаемый и духовно высоко стоящий водитель Ред. Дк., которого все так любит и ценят, выразил готовность приложить все свои старания и умения в пользу страны У. И также выразил согласие установить порывок в старшей группе.

Высказываем Владимиру глубокую преданность и благодарность

за эту Великую Помощь, которую
мы получаем непрерывно.

А также и Вам, дорогие
Медабвенские Водители Наши
Елена Ивановна и Николай Консантинович,
имеем благодарность сердца и
готовность трудиться, с Вашетою
помощью, на Общее Благо.

Преданные Вам К. Войтуленас

Д. Аншевич.

30-I-40г.

4

Дорогая Елена Ивановна!

Знаю, что Вам известно все, что Вы все знаете. Поэтому постараюсь о папе написать то, что в моих силах.

Папа ушел в понедельник 8 января в 16.20 минут. Не знаю как давно, но папа знал уже заранее, что должен уйти.

В последние дни до ухода он чувствовал себя очень тяжело. Чувствовал, что силы его слабеют и просил меня помочь ему молиться Вс., чтобы Дам силы достойно уйти и Сохранил ему в последние минуты память.

В понедельник, в час дня, хирург дал папе двойную порцию наркоза и папа впал в глубокий сон. К вечеру я увидела, что папа начинает просыпаться, что его что-то беспокоит, но он не может проснуться и не может сказать, что ему нужно. Беспокойство его все уменьшалось, и он все время старался как-бы снять с себя что-то, но наркоз был еще так силен, что папа не мог из него вырваться. Он метался из стороны в сторону, то подавал мне руку, то отталкивал, обнимал мою голову, притягивая к себе, то снова отталкивал, показывая, что болит вся кипенная часть позвоночника в области пупка,

начинал, как ребенок, всхлипывая стонать и тихо плакать.

Когда я поняла, что у папы наступает время ухода, я начала призывать Милу Вел. Вел., и папа повторял это за мною и говорил: "Вел, пусть будет Воля Твоя!"

Вдруг папе в глазах потемнело и его страдания стали невозможными. Он стал вставать с кровати и все хотел куда-то уйти, потом начал говорить - "Вел, пришли к себе дитя Твое" - Все, от невозможной боли расширил глаза, спешая руки, потом закрыл глаза, сразу опустился на подушки и затих.

Во все время его предсмертных мук, я призывала Милу Вел. и говорила: "Вел, пусть будет Воля Твоя!". После последнего вдоха папы, я еще прочитала молитву к Вел. и тогда оставила его во власти беспоконных родных, которые все время тревожили нас с мамой, входя и выходя из комнаты, встревоженные и заплаканные.

Папы нету. И хотя знаю, что ему теперь хорошо и радуется сердцем и за отпущенную карму его, и за любавление, хоть на время, от страданий болезни, - всетаки не можем себя пережить и на сердце тяжело за раслуку, хотя бы и временно. Оценила я папу вполне

за время его страданий. Думая о нём —
хорошо становится на душе, думая о себе —
хотелось бы быть с ним вместе.

Родная, любимая Елена Ивановна!

Живенно кланяюсь до земли и целую след
Ваших ног в благодарность за все то, что
Вы сделали для папы.

Примите сердце мое, душу мою, всего меня
на служение Вам.

Решимый Анисевич.